

стий их представляется, однако, значительно менее обширной. Огромная тяжесть повозки ограничивает возможность их применения хорошо приспособленными путями, невозможность движения без ярких фонарей, хорошо освещающих путь препятствует их применению ночью. Таким образом, прямое назначение блиндированных автомобилей—аттака войск во время колонны, двигающихся по шоссе. Особо ценным может оказаться содействие таких повозок на крутых дорогах (шоссе кольцевое и радиальное), где они создают возможность «непрерывной», так сказать, обороны, служба «подвижными укрывлениями».

С. Павлов-Никольский.

Московскія письма.

Первая часть замечательной беседы в юридическом собрании посвящена была юбилею судебных уставов. А. А. Виззетторъ рассказал намъ, какъ худо было до введения уставовъ, въ до-реформенномъ судѣ. Почтенный Н. В. Давыдовъ рассказалъ, какъ было хорошо въ то время, когда эти уставы вводились въ жизнь. А Н. Н. Полянский—какъ стало снова худо послѣ того, какъ они уже были введены...

Съ грустной симпатіей мы слушали Н. В. Давыдова. Вспоминая свою молодость, Н. В. рассказывалъ, что ему и его товарищамъ мало было этихъ славныхъ судебныхъ уставовъ. Молодые пробуроры того времени, опираясь на какую-то статью, которая давала имъ право только наводить справки, терроризировали администрацію, дѣлая видъ, что за этой невинной статьей скрывается какое-то грозное ихъ право притягивать къ отвѣту перепуганныхъ администраторовъ...

Какъ извѣстно, не по своей охотѣ тайный совѣтникъ Н. В. Давыдовъ выпалъ изъ магистратуры. Дѣлая съ нами своими воспоминаніями, весь онъ былъ передъ нами, человекъ иной эпохи, иного воспитанія, иныхъ понятий: кристально-честная душа, снисходительная къ чужимъ грѣхамъ, но непоколебима преданная чувству долга и идеѣ правосудія,—живое воплощеніе «новаго суда».

Молодой собрать его, другой ораторъ, Н. Н. Полянский, неутвержденный мировой судья, представитель другого поколѣнія, для котораго возвращеніе къ уставомъ 64 года—несбыточное, прекрасное мечтаніе. У этого поколѣнія имѣется огромное преимущество жестокаго жизненнаго опыта, обобщеній, пригодныхъ для суровой дѣйствительности. Рядомъ съ этой молодой престарѣлой Н. В. Давыдовъ кажется счастливецомъ, обрѣвшимъ тайну неуязвимой прекрасной юности: не взирая ни на что, онъ любитъ, вѣрить и надѣется.

Эта параллель напрашивалась и во время второй части замечательной бесѣды.

Времени было немного, и смѣнившій на председательскомъ мѣстѣ князь Галицына И. Н. Сахаровъ предложилъ ораторамъ, не теряя время на предисловія и вступленія, «брать быка за рога». Весьма извѣстный представитель московской адвокатуры и вліятельной оппозиціонной партіи тотчасъ же взялъ слово и наговорилъ «ужаснѣйшій» вещи. Рѣчь его была о томъ, что такъ или иначе набѣгло у всѣхъ присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ. Но по формѣ, по темпераменту оратора, она приняла столь угрожающую вѣдливость, что председатель собрания, при сочувствіи значительнаго большинства аудиторіи, выступилъ съ просьбой не превращать интимной бесѣды въ «митингъ». Я упоминаю объ этомъ потому, что обстоятельство это мнѣ кажется весьма типичнымъ и характернымъ. Послѣ этого вступленія наступило положеніе затруднительное: охотники продолжать бесѣду не вызывались. Получилось явственно, что нѣтъ того

вопроса, а главное, той постановки «наболѣвшихъ» темъ, которая отвѣчала-бы заранѣе готовымъ настроеніямъ этого, довольно однороднаго, тѣмъ не менѣе по составу своему, собранія. Выбѣнительство человека, котораго всѣ очень любятъ и очень уважаютъ, только и могло снасти положеніе. Такимъ человекомъ оказался почетный гость собранія, Горькій. По поводу словъ, имъ сказанныхъ, кто-то изъ ораторовъ замѣтилъ:

—Вотъ и любимый нами буревѣстникъ нашъ что то поникнулъ крыльями!

Рѣчь Горькаго была о томъ, что въ Россіи происходитъ поглощеніе разнообразныхъ элементовъ интеллигенціи и общества широкимъ національно-либеральнымъ устремленіемъ, обозначеннымъ выступленіями проповѣдниковъ промышленно-политически-религознаго мессіанизма Россіи, противопоставляемой этимъ Магометамъ Европѣ и замыкаемой ими въ кольцо либерализованнаго национализма.

Въ нашемъ «буревѣстникѣ» меня другое поразило: новая чуства какой-то беззаконной мягкости, душевной теплоты и вдумчивости. Дорогъ и близокъ былъ намъ прелкій Горькій—«буревѣстникъ», но этотъ—еще дороже, еще ближе, еще милѣй.

Послѣдующіе ораторы раздѣлились на двѣ категоріи: на пессимистовъ и оптимистовъ. Пессимисты говорили о томъ, что насъ ждетъ то самое, отъ чего Россію предостерегаетъ въ послѣднее время кн. Евг. Трубецкой: сытость, экономическое благополучіе и упадокъ общественности. Оптимисты возражали: события нашихъ дней настолько грандіозны, говорили они, что простой общественной реакціей они не могутъ ликвидироваться. Для всей Европы настаетъ эра новой жизни; не обойдетъ она и насъ. Это были разсужденія, какія изодня въ день всюду повторяются. Никакого элемента политическаго, пригоднаго и предназначеннаго для обоснованія какой-либо политики, въ нихъ не обнаружилось. Но отъ этого онъ не менѣе интересны:

— Я—пессимистка,—заявила, напр., извѣстная радикальная общественная дѣятельница,—но это не мѣшаетъ мнѣ заявить, что если-бы я была мужчиной, если-бы я могла держать ружье, я сейчасъ-же отправилась-бы воевать!.

Заявленіе это было встрѣчено дружными рукоплесканіями: аплодировали и «оптимисты», и «пессимисты». Неожиданная патрістическая манифестация эта въ такомъ собраніи произвела впечатлѣніе (на меня, по крайней мѣрѣ) чего-то глубоко непосредственнаго, чего-то освѣжающаго, я сказала-бы—чего-то заново рожденнаго. Глубоко былъ правъ ораторъ, который отгнѣтилъ единодушіе «оптимистовъ» и «пессимистовъ», какъ нѣчто знаменательное. Желаніе победы, сказалъ онъ, какъ мы видимъ, существуетъ отдѣльно, независимо, вѣдь связаны какими-либо политическими расчетами, чаяніями и ожиданіями. Фактъ этого раздѣленія, показавшійся бы намъ немисланнымъ во время войны съ Японіей,—самое важное явленіе нашихъ дней!

Такимъ образомъ, многолюдное собраніе, въ которомъ присутствовали многіе видные общественные дѣятели, превратилось, послѣ неудачной попытки перваго оратора, въ одну изъ тѣхъ обывательскихъ бесѣдъ, которыя ведутся ежедневно и повсюду. Значить-ли это, что мы обратились въ первоначальное преступное обывательское состояніе? Не думаю. Было время, когда обыватель спрашивалъ напугивать политическій мундиръ, бывша под мундиромъ, извините за выраженіе, безъ ничего. На нашихъ глазахъ происходитъ теперь нѣчто другое. «Мундиры» сохраняются неподалеку, въ гардеробѣ,—ихъ не долго брать; но съ обывателемъ происходитъ нѣчто большее, чѣмъ переодѣваніе: онъ просыпается гражданиномъ, въ ясномъ сознаніи своей принадлежности къ великому народу, въ сознаніи великихъ обязанностей и задачъ...

Радостное это пробужденіе: общается оно яснымъ, бодрымъ, плодотворнымъ дномъ.

Евг. Адамовъ.

и такимъ образомъ, исчезнетъ одинъ изъ уголковъ міра, наиболее богатыхъ памятниками красоты, воспоминаніями и всѣмъ тѣмъ, что составляетъ человѣческую исторію. Мы сдѣлали все, что могли для его защиты, больше сдѣлать мы ничего не можемъ.

Самыя героическія арміи безсильны помѣшать бандитамъ, которыхъ союзники теперь отгнѣняютъ, убивать женщинъ и дѣтей и методически и сознательно разрушать все, что они находятъ на своемъ пути.

Остается одна лишь надежда—на немедленное и властное вмѣшательство нейтральныхъ народовъ и въ первую очередь двухъ великихъ державъ—Италіи и Соед. Штатовъ.

Къ этимъ державамъ мы обращаемъ теперь свое тревожное ожиданіе. Италія и Соед. Штаты держатъ въ своихъ рукахъ судьбу этихъ сокровищъ, гибель которыхъ была бы самой страшной и самой неоправданной изъ потерь, когда-либо испытанныхъ нашей цивилизаціей. Если у нихъ будетъ желаніе, то найдется и сила. Насталъ для нихъ моментъ сдѣлать то, не дѣлать чего было бы преступленіемъ. Лживыя увертки германскихъ вѣтрей, которыхъ теперь заставили выть, прекрасно доказываютъ, какое громадное значеніе они придаютъ общественному мнѣнію тѣхъ немногихъ великихъ народовъ, которымъ возбуждаемое нѣмцами омерзѣніе еще не вложило въ руки оружія. Животное испугалось. Оно почувствовало, что все вокругъ него рушится. Оно осталось изолированнымъ. Оно ищетъ взгляда, въ которомъ не чувствовалось бы омерзѣнія. Но такого взгляда оно найти не можетъ.

Нѣтъ надобности указывать Италіи на цѣнность нашихъ, подверженныхъ опасности, городовъ, ибо Италія страна благородныхъ городовъ. Наше дѣло есть ея дѣло, и она обязана намъ помочь.

Повсюду, гдѣ разрушается произведеніе искусства, наносится оскорбленіе душѣ и генію Италіи и ея безсмертнымъ богамъ.

Соединенные Штаты—страна будущаго. Ея долгъ подумать о дняхъ, которые наступятъ послѣ нынѣшней войны.

Когда миръ снова снизойдетъ на нашу землю, пусть не будетъ она лишеной всего, что было на ней прекраснаго. Немногъ на землѣ мѣсть, гдѣ вѣковыя усилія, терпѣливый трудъ и человѣческой гонимъ создавали земную красоту. Къ такимъ священнымъ мѣстамъ принадлежитъ маленькій уголокъ Фландріи, надъ которымъ рѣшетъ теперь крыло смерти. Если онъ погибнетъ, то для будущихъ поколѣній, которымъ, быть можетъ, дано будетъ познать, наконецъ, счастливую жизнь, пропадетъ безвозвратно величье незамѣнимыхъ примѣровъ, благоуханіе незамѣнимыхъ воспоминаній».

ПЕЧАТЬ.

Македонскій вопросъ.

Въ издающемся въ Петроградѣ органѣ «сторонниковъ независимой Македоніи»,—журналѣ «Македонскій Голосъ»,—помѣщена, за подписью македонцевъ Павла Чуповскаго, Пешковскаго, Угриновскаго и Божидарскаго, статья, называющаяся «Обращеніе македонскихъ патриотовъ къ народнымъ представителямъ Болгаріи, Сербіи и Греціи». Въ этой статьѣ справедливо указывается, что для обезпеченія спокойствія на Балканахъ «Македонія должна быть самостоятельна, едина и независима» и что «правъ на Македонію у Болгаріи не больше, чѣмъ у сербовъ или грековъ», другими словами, что правъ этихъ у Болгаріи совершенно нѣтъ, и поведеніе ея нынѣшнихъ политиковъ должно заслуживать и съ точки зрѣнія македонцевъ лишь самое суровое осужденіе. Вышеназванные македонцы заявляютъ:

Мы заявляемъ вамъ, что мы, македонцы, не сербы, не болгары и не греки (курсивъ здѣсь и далѣе подлинника). Но у насъ сердце открыто для любви и вѣчной дружбы ко всѣмъ вамъ. Откажитесь только отъ того, что въ порывѣ ожесточенія, вызваннаго коварными интригами нашихъ обшихъ враговъ, вы взяли мечомъ и можете удержатъ у себя лишь систему оружія. Оставьте право на подобающее ему мѣсто—выше эгоистическихъ расчетовъ и насилия. И дайте намъ, македонцамъ, возможность устраивать свою жизнь въ родной странѣ, согласно нашимъ интересамъ. Не мѣшайте Македоніи стать едина, самостоятельной и независимой. Свобода Македоніи дастъ вамъ миръ; она положитъ предѣлъ враждѣ между балканцами. Свобода Македоніи—необходимое условіе прочности и полноты свободы всего юго-славянства. Сомнительно, чтобы голосъ этотъ былъ услышанъ современными болгарскими гешефтшерами.

Замѣтки.

Клочокъ вѣнской уличной газеты лежитъ предо мной. Австрійскія и германскія большія политическія газеты попадають иногда въскій уличный листокъ? А я радъ ему больше, чѣмъ серьезной политической газетѣ. Этотъ обрывокъ вѣнскаго листка, подобраный въ неприятельской траншеѣ, больше скажетъ о вѣнской толпѣ, чѣмъ умная и интеллигентная «Neue Freie Presse». Большая газета умѣетъ гдѣ-нибудь хороше лицомъ и при изохой игрѣ. Уличный листокъ глушь и невѣжество. Зато онъ простодушенъ, и притворяется ему трудно.

На мелкую прессу Австріи возложена неопосильная задача. Она должна создавать воинственнаго настроеніе при отсутствіи извѣстій о побѣдахъ. Описанія отдѣльныхъ подвиговъ, ярко размазанная картины, изображающія, какъ одинъ австрійскій солдатъ пора-

Воззваніе М. Метерлинка.

На-дняхъ передано было по телеграфу сообщеніе о напечатанномъ въ «Figaro» воззваніи Мориса Метерлинка, обращенномъ къ Италіи и С. Штатамъ. Приводимъ полностью текстъ этого воззванія, исполненаго пламенной любви къ несчастной Бельгіи и къ ея сокровищницамъ искусства.

«Велѣдъ за Лувеномъ, Малиномъ, Термондомъ, Льерромъ, Диксмюде, Ньюпортомъ—я говорю только о Фландріи—въ развалинахъ лежитъ Вервь, и не стало больше Ипра. Рядомъ съ крупными фламандскими городами—Брюсселемъ, Антверпеномъ, Гентомъ и Брюгге, съ ихъ богатыми и несравненными музеями, благоговѣнно чтимыми народомъ, болѣе нежели какой бы то ни было другой привязаннымъ къ унаслѣдованному отъ предковъ духовному богатству, они образуютъ плеяду маленькихъ городовъ, прелестныхъ и гостеприимныхъ, хотя и мало знакомыхъ путешественникамъ. Въ каждомъ изъ нихъ чувствуется какая-то особая атмосфера міра, уютна, невиннаго веселья или тихаго уединенія. Въ каждомъ изъ нихъ живутъ свои ревниво оберегаемые сокровища, свои колокольни и церкви, свои каналы и старинные мосты, свои тихіе уголки и старинные дома, придающіе городу какую-то особенную, незабываемую физіономію.

Но королевой среди этихъ прелестныхъ мѣстностей былъ безспорно Ипръ съ его Великой площадью, окаймленной маленькими домиками съ остроконечными рѣзными крышами и крупными старинными зданіями, занимающими цѣлую сторону громадной четырехугольной площади. Видъ этой площади вѣдывался навсего въ памяты каждого, кто хоть разъ ее видѣлъ, хотя бы въ теченіе короткаго промежутка между однимъ поѣздомъ и другимъ. Она кажется созданіемъ

волшебной феи, какимъ-то чудеснымъ сновидѣніемъ,— настолько разительный контрастъ между этой площадью и остальной частью города. Жизнь стараго Ипра, замирая съ теченіемъ вѣковъ, постепенно согнулась вокругъ Великой площади. Съ тѣхъ поръ она осталась нетронутой, продолжая жить, какъ прекрасная свидетельница богатства и могущества былыхъ дней, когда Ипръ наряду съ Гентомъ и Брюгге—былъ однимъ изъ трехъ суверенныхъ городовъ западнаго міра, однимъ изъ бурныхъ центровъ человѣческой дѣятельности и колыбелью великихъ свободъ.

Такимъ Ипръ былъ вчера. Увы! Я не смѣю сказать, во что могла превратиться сегодня эта площадь съ ея громадными и невыразимо прекрасными старинными постройками, въ одно и то же время грандіозными и изящными, горделивыми и скромными, мрачными и нѣжными, являвшими собой одно изъ самыхъ совершенныхъ городскихъ зрелищъ на нашей старой землѣ. Въ другомъ родѣ, съ привожденіемъ другихъ элементовъ и подъ роги, столь же священны стали лодьямъ площ. св. Марка въ Венеціи, Signoria во Флоренціи и Cathedrale Piazza въ Пизѣ. Великая площадь въ Ипрѣ стала предметомъ искусства, единственнымъ, неопѣнимымъ, вызывающимъ возгласъ восхищенія даже у людей наиболѣе равнодушныхъ; она стала украшеніемъ, какъ мы надѣялись, не могущимъ погибнуть, однимъ изъ воплощеній вѣчной радости—красоты.

Я не могу повѣрить, что этой площади больше нѣтъ, а между тѣмъ, въ этой страшной войнѣ мы должны вѣрить всему, хотя бы наимудшему.

Теперь неотвратимый чередъ настаетъ и для Брюгге, волна варварства захлестъ Гентъ, Антверпенъ и Брюссель,